

Примечания

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов [Электронный ресурс]. М.: Языки славянской культуры, 2001. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture (дата обращения: 12.01.2016).
2. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Отражение «национального характера» в лексике русского языка [Электронный ресурс] // Ключевые идеи русской языковой картины мира : сб. ст. М. : Языки слав. культуры, 2005. 540 с. URL: <http://www.g> (дата обращения: 12.02.2016).
3. Капица С.П. История десяти миллиардов [Электронный ресурс]. URL: <http://starwalker62as.livejournal.com/250621.html> (дата обращения: 12.10.2015).
4. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: в 2 т. Т. 1. А–О. СПб.: Златоуст, 2014. 592 с.
5. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные менталитетов. М.: МАЛП, 1999. 341с.
6. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2008. С. 13.
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.01.2016).
8. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.

*С. Н. Глазкова (г. Миасс)
Челябинский государственный университет*

© С. Н. Глазкова, 2016

Куда исчезли прецедентные тексты?

В статье анализируются причины архаизации литературных и фольклорных прецедентных текстов. Делается вывод об изменениях в русской языковой картине мира. Констатируется, что исчезновение прецедентных текстов ведет к нивелированию культурных особенностей.

Ключевые слова: прецедентный текст, языковая картина мира, национально-культурная идентичность

Каждый человек, владеющий культурными ценностями своей нации, имеет в голове некий список, «джентльменский набор» прецедентных текстов. Большая доля их литературные, во всяком случае так было в России второй половины XX в. Именно эти тексты – визитная карточка любого интеллигента или, на худой конец, просто грамотного человека. Что до программного материала, изучаемого на уроках литературы, эти знания казались нам важнейшими и незыблемыми среди духовных ценностей личности. По совести говоря, они нам и сегодня все еще кажутся культурно значимыми. Цитаты, вошедшие в кровь как вечные ценности, пополнили содержимое нашей головы и прочно лежат там важнейшим культурным достоянием. *Поэт в России больше, чем поэт. Буря мглою небо кроет. Ты жива еще, моя*

старушка? Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан. Прощай, немытая Россия. Люблю грозу в начале мая.

Тем временем литература тихо перешла в список второстепенных, неважных предметов. Математика и русский язык потеснили все остальные предметы. Наследие последнего десятилетия очень печально. Думалось, вернут сочинение – и будет все иначе. Но нет. Первое полугодие 11-го класса вот уже второй год идет под знаменем «Готовимся к сочинению». Заканчивается декабрь, и во многих школах вообще, а в некоторых почти не ведется литература. «А зачем? Надо к ЕГЭ готовиться», – говорят учителя. Второе полугодие 11-го класса – это особая статья. Нынче детей где-то официально, где-то полуофициально распускают с напутствием: «Ходите только на те уроки, которые вам нужны для сдачи ЕГЭ». К чему привела эта порочная практика? Дети не начитали и сотой доли того, что очерчено программой. Нет того общего книжного фонда, на который можно было бы опираться для размышления, воспитания чувств, к которому можно было бы апеллировать. Визитная карточка россиян – русская литература – давно перестала ею быть. И сегодня грустно констатируем: блоковское *Ночь, улица, фонарь, аптека* и пушкинское *И сливки мальчик подавал* являются прецедентами лишь потому, что стали рекламным текстом. Даже прецеденты из литературных (как, кстати, и фольклорных) сказок неизвестны современному ребенку. Ничего не говорят ни сердцу, ни памяти фразы *Свет мой, зеркальце, скажи...*, *Сивка-Бурка, вещей каурка...* Произошла уникальная по скорости архаизация прецедентных литературных текстов.

Утрата ключевых для русской культуры прецедентных текстов свидетельствует о серьезных изменениях в русской языковой картине мира, ведет не только к нивелированию культурных особенностей, но и к коммуникативному дисбалансу в педагогическом общении, так как общая апперцепционная база учителя и ученика сужается.

По свидетельствам историков, солдаты на Сенатской площади кричали «Царя Константина и Конституцию!», свято веря, что конституция – жена государя. В.И. Ленин скажет потом о декабристах фразу, ставшую крылатой: «Страшно далеки они от народа». Ситуация в современной школе, на наш взгляд, нередко напоминает этот исторический факт. Многие прецедентные тексты не являются для ребенка таковыми. Он зачастую не осознает ни иронии учителя, ни смысла его требований или упреков и порой даже похвалы. Какие из ментально релевантных прецедентных текстов являются узнаваемыми для школьников? По результатам нашего исследования, узнаваемость прецедентных рекламных текстов составила у опрашиваемых 100%, тогда как узнаваемость подобных единиц, восходящих к литературному и фольклорному источнику, не достигла и половины (49%). Чтобы обеспечить чистоту эксперимента, тексты были взяты из самых известных, по мнению учителей, произведений, в том числе сказок. Безусловно, динамика репертуара прецедентных текстов – процесс нормальный. Однако изменения слишком

существенны, чтобы объяснить их только диахронией. Выводы, сделанные в результате проведенного исследования, не радуют: во-первых, культурный потенциал «компьютерного» поколения не совпадает с потенциалом поколения «отцов»; во-вторых, общая апперцепционная база учителя и ученика оскудела. Последнее обстоятельство ставит под сомнение возможность полноценного педагогического взаимодействия [1, с. 123].

Думается, все лингвисты, независимо от занимаемых ими позиций по отношению к объему понятия «прецедентный текст», согласятся, что сказочные фрагменты типа *бабка за дедку, внучка за бабу* являются прецедентными. Однако эта истина оказывается сегодня не такой уж бесспорной. И это проблема не только сохранения национально-культурной памяти, но и проблема успешности профессиональной учебной коммуникации. Учитель и ученик, студент и преподаватель сегодня порой говорят на разных языках. Когда говорят о недостатке пресуппозиций, в первую очередь имеют в виду ученика. Но не только: сегодня учитель порой не поспевает за веком и не всегда своевременно осваивает новые пласты культуры. Объем фоновых знаний ребенка (и учителя!) напрямую связан с гармоничностью педагогического общения. Учет изменения прецедентных активов современного ребенка способствует оптимизации профессионального общения.

Приведем некоторые примеры, чтобы продемонстрировать изменения в фоновых ресурсах школьника на примере «сказочных» прецедентных текстов. Почему именно они стали основой для исследования? Сказку относят к феноменам, содержащим элементы культурной идентичности и механизмы культурной самоидентификации. Сказки являются эволюционно апробированным каналом и механизмом трансляции опыта человека в словесной форме. Много написано о закодированной в сказочных образах информации, помогающей ребенку систематизировать и упорядочить мир социума и природы, адаптироваться и реализоваться в социальном мире. Глубинная семантика сказки вооружает ребенка через аллегорические образы архетипами, формируя коллективное бессознательное. Сказки, таким образом, важны для формирования лингвокультурной составляющей личности.

Сказки – энциклопедия жизни в социуме. Они обеспечивают успешную социализацию ребенка. В образах и сюжетах сказок зашифрованы важнейшие общечеловеческие знания: типы людей и сценарии отношений между ними, формы противостояния добра и зла, инструментарий разрешения конфликтов и преодоления трудностей, формы антистрессовой психотерапии, особенности мужского и женского начал, ценностное содержание жизни. Образная символика сказки позволяет миновать барьер сознания и обратиться напрямую к подсознанию – самому глубинному координатору нашего поведения.

Таким образом, значимость сказки для ребенка определила наш выбор материала для исследования. Для анализа были взяты самые популярные

русские народные (20 фрагментов) и литературные сказки (10 фрагментов). Приведем некоторые примеры.

1) Фрагменты сказки «Репка»:
Позвала внучка Жучку.... Бабка за дедку, дедка за репку... Вытянуть не могут... Вытянули репку...

2) Фрагменты сказки «Теремок»:
Терем-теремок! Кто в тереме живет? Я Мышка-норушка...

3) Фрагменты сказки «Колобок»:
Не ешь меня Заяц, я тебе песенку спою:

*Я колобок, Колобок,
Я по коробу скребен,
По сусеку метен...
Я от дедушки ушел...*

4) Фрагменты сказки «Маша и медведь»:
Идет медведь между елками, идет между березками...

*Сяду на пенек, съем пирожок...
Не садись на пенек...*

5) Фрагменты сказки «Курочка Ряба»:
*Дед бил-бил – не разбил
Мышка бежала...*

6) Фрагменты сказки «Морозко»:
Тепло ли тебе, девица...

7) Фрагменты сказки «Пузырь, Соломинка и Лапоть»:
А Пузырь хохотал, хохотал, да и лопнул.

8) Фрагменты сказки «Сестрица Аленушка и братец Иванушка»:
Не пей, братец, козленочком станешь...

9) Фрагменты сказки А.С. Пушкина «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»:

*Свет мой, зеркальце, скажи
Да всю правду доложи...*

10) Фрагменты сказки «Волк и семеро козлят»:
Козлятушки, ребятушки,

Отворитесь, отпритесь!

11) Фрагменты сказки «Три медведя»:
Кто сидел на моем стуле и сдвинул его...

12) Фрагменты сказки «Царевна-Лягушка»:
Упала одна стрела на боярский двор...

Учителю-филологу трудно представить себе, что ребенок может не знать этих цитат. Тем не менее факты говорят другое: более половины текстов не опознано детьми (не названа сказка и ее герои, не предложено продолжения текста). Какова причина забвения вековых смыслов и сюжетов? Среди причин, как представляется, и лингвистические, и экстралингвистические. Важны смена исторических и культурных реалий, цивилизационный

скачок, появление информационно-развлекательных новаций, технологизация общества, усиливающаяся визуализация информации, потеря интереса ко всему национальному, русскому. Список можно продолжать. Следует сказать о недобросовестных издателях, которые с непонятной (или понятной?) целью коверкают клишированный фольклорный текст. Приведем в качестве примера несколько фрагментов сказки «Курочка Ряба», напечатанной в сборнике русских народных сказов в Ростове-на-Дону (2009 г.): *Дед бил, бил, только палец ударил и моток сломал. Бабка скалкой била, била, не разбила. А мимо бежала мышка-воришка.*

Анализ причин исчезновения из апперцепционной базы ученика «сказочных» прецедентных текстов, увы, ничего не меняет в современных реалиях: неуклонно происходит архаизация и архивация текстов сказки. Перед нами порочный круг: с одной стороны, дети не слушают, не читают, не запоминают сказки, потому что они архаичны; с другой стороны, сказки архаичны для ребенка, потому что их не читают, не слушают, не запоминают. Полученные результаты свидетельствуют о смене состава прецедентных текстов, о забвении веками бытующих в русскоязычной среде сакральных текстов.

Конечно, приравнивать исчезновение прецедентных текстов и обеднение культуры не стоит. Однако тенденция к игнорированию сакральных текстов нам представляется существенной. Забвение литературных цитат кажется безделицей по сравнению с фольклорным беспамятством.

Как-то Е. С. Кубрякова справедливо назвала языковую картину мира «общекультурным достоянием нации» [2, с. 17]. Нельзя не поразиться столь быстрому обеднению ресурсов «сказочных» прецедентных текстов. Процесс этот, видимо, необратим, так как именно в детстве человек вооружается «сказочными» рецептами жизни. «Общекультурное достояние» истощается на наших глазах. А ведь это о таких культуuroобразующих прецедентных текстах писал поэт и переводчик Е.В. Витковский: «Эта цепочка – точно по схеме, точно по слепку: Бабка за жучку, жучка за внучку, дедка за репку». Именно эти «цепочки» разрушаются на наших глазах. Традиционный разрыв поколений перерос в разрыв социальный, культурный, ценностный, цивилизационный.

Утрата ключевых и вечных, как нам еще недавно казалось, для русской культуры прецедентных текстов свидетельствует о серьезных изменениях в языковой картине мира россиян. Русский менталитет, во многом сформированный русской литературой и православием (а православие в свою очередь транслировалось и через литературу), трансформируется на наших глазах, становится мифологемой. За одно поколение сменился прецедентной «состав крови» нации. Речь идет об утрате важнейшей части языкового фонда, формирующего менталитет. И это ущерб национального масштаба – потеря культурных смыслов. «Родство по крови образует стаю, родство по слову

создает народ», – мудро, беспощадно и точно писал А. Городницкий. Что может ждать страну, потерявшую свою культурную идентичность?

Примечания

1. Глазкова С. Н. Обеднение разговорной речи как показатель трансформации русской языковой картины мира // Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: полифония смыслов: материалы междунар. науч. конф. (3-6 июня 2015 г., г. Челябинск). Челябинск: ЧГАКИ, 2015. С. 120–124.

2. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2008. 296 с.

*Н. А. Жигулина (г. Киров)
Вятский государственный университет*

© Н. А. Жигулина, 2016

Композиция официального заявления в прокуратуру как объект лингвистического исследования

Объектом лингвистического исследования стало официальное заявление в прокуратуру, с яркими нарушениями стилистических, логических и грамматических норм. В результате анализа композиции текста официально-делового стиля с опорой на такой важнейший текстообразующий признак, как темпоральность, стало возможным выделение композиционно-содержательных фрагментов, характеризующихся единством содержания, времени и цели. Лингвистическая аргументация выделенных композиционных частей «прояснила» коммуникативные намерения заявителя, преодолела неточности оформления содержания и сделала его доступным для участников ситуации официально-делового общения.

Ключевые слова: заявление, композиция текста, композиционно-содержательные фрагменты, коммуникативные намерения, официально-деловой стиль, стилистическая окраска, темпоральность

Объектом наблюдения явилось заявление, пришедшее на электронный адрес прокуратуры. Автор текста испытывал явные затруднения при вербализации своих коммуникативных намерений. Отсутствие в присланном документе необходимых жанровых рубрик, алогичность повествования, неуместная эмоциональность делали его двусмысленным. Лингвистический анализ текста должен был, во-первых, уточнить коммуникативные намерения заявителя, во-вторых, сформулировать вопросы по тексту, которые прояснили бы позиции участников официально-деловой коммуникации, в-третьих, дать непротиворечивые, научно обоснованные ответы на них.

Приведем это заявление без исправлений, за исключением имен собственных, которые изменены и сокращены. Вот этот текст: